

состояние парка Карадагской биостанции. // Там же. - С. 53-66.)

«Открытие» Архива по мере его обработки представляется нам актуальным и своевременным в преддверии 100-летнего юбилея Карадагской Научной Станции. Можно надеяться, что публикации дополнятся комментариями историков, биологов, геологов и других специалистов, которые обогатят научные страницы древнего урочища Карадаг.

В публикации приводятся фото из архива семьи А.Ф. Слудского

Владимиров Е.И., Владимирова Ж.К.

**Статья С. Султанова из газеты «Утро России» от 20 августа
1913 г. № 191**

Статья написана с использованием старой орфографии. Публикуем в современной орфографии

Карадагская сказка.

Эта странная идея могла родиться только в России в годы, когда нарастал «зеленый шум» русской «весны»:

- Использовать потенциальную научную силу ученых и студентов, рассеянных по тюрьмам и ссылкам, по тундрам и крепостям.
- Как же вы это осуществите?..
- Мы будем посылать в тюрьмы и глухие дебри «севера дальнего» научные приборы, инструменты, препараты, книги, таблицы и коллекции, чтобы годы вынужденного бездействия превращались там в богатую жатву научного творчества. Пусть вместо скучного бесцельного кропания над изготовлением картонных коробочек в тюремных камерах кипит продуктивная работа мысли.
- Нет, это невозможно! – слышится в ответ важный голос административной особы, снисходительно слушавшей жарко говорившего высокого худого человека с длинными сидящими волосами, как у Менделеева.

Почему невозможно, ваше превосходительство? Вам изменять ничего не придется. Вы считаете необходимым изолировать их от жизни? Хорошо, вы по-прежнему будете это делать... Но ведь у вас теперь существует известный отбор тюремного населения: вы его сортируете на привилегированных, дворян, женщин и т. д. Создайте еще одну категорию, специально предназначенную для научных занятий. В глухом отдаленном месте постройте нечто вроде научного монастыря. Окружите его, если хотите, часовыми и караулами. И тут будут отбывать в особой обстановке положенное число лет все, оторванные от лабораторий и книг, университетов и институтов. Вы добьетесь своего: они будут изолированы. Но зато сколько научной энергии сохранится для страны. Подумайте только! Ведь вот за толстыми стенами форта Александра III на Шлиссельбурге идет героическая работа над изучением чумы. – Это добровольное заключение...

Пусть добровольное, по картина получается одна.

– Нет, это абсолютно невозможно то, что вы предлагаете. Каждая вещь имеет свою логику. Нам нужно не только изолировать их, но и выполнить требование закона – наказывать. Какое же это будет наказание, если они будут находиться в своей обычной обстановке?

Нет, ваш проект окончательно химерический!..

Так и умерла эта идея.

Создалась она, эта странная идея, в ученом кабинете, загроможденном книгами и научными приборами, старого врача, приват-доцента московского университета Терентия Ивановича Вяземского, которого давно уже знает официальная, родовитая и ученая Москва.

Это не был ловко продуманный политический маневр или «тонкий ход» на шахматной доске нашей общественности.

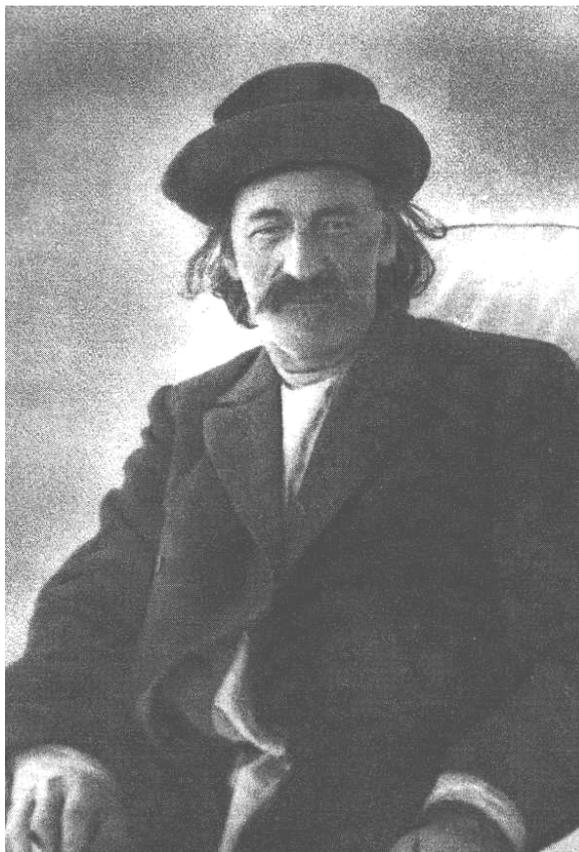
Т. И. Вяземский – настоящий русский человек, из самой «гущи жизни», с большим запасом разумного здорового практицизма, унаследованного им от многих поколений духовенства, к которому принадлежал его отец, сельский священник Рязанской губ[ернии]. Ему неведомы стеснительные шоры одной какой-либо общественно-политической догмы и незнакома власть катехизиса канонизированных мнений и взглядов.

У него в крымском уединении перебивали многие заслуженные люди русской общественности и литературы, цвет русской интеллигенции. Здесь в жарких полемических турнирах встречались народник с марксистом, а остроумная речь популярного публициста или знаменитого профессора скрещивались с проповедью охранительства...

В дни своего далекого студенчества Терентий Иванович был стенографом эпического «хозяина Москва» кн. В. Долгорукова. Среди его пациентов на протяжении тридцати лет промелькнуло много громких имен административного Олимпа, министров, видных иерархов, владельцев знатных гербов, Китай-города и интеллигентной Москвы.

Но всегда и со всеми Вяземский оставался и остается своеобразным, самим собой, остроумным, богатым арсеналом метких слов, наблюдений и воспоминаний, могущих развернуться в волнующе-интересную книгу прошлого.

Долго носился со своей странной идеей Т. И., но пришлось от нее отказаться. Неугомонная душа старого доктора родила новую мечту, и с ней он ушел на Карадаг.

Фото 2. Вяземский Терентий Иванович, 1900-е гг.

Карадаг!..

Сказка природы, дитя веков развернулся Карадаг в многообразии своих линий, обвеянный теплом и воздухом моря.

Горы сереют землистыми красками вулканического наследия—лавы и пепла, или темнеют от зеленых кудрявых ковров дубняка, бука, и клена, в чаще которых по трехглавой верхушке Ички-дага еще и теперь бродят дикие козы. А над вольными вершинами парит влюбленный в свою стихию пернатый властелин горных ущелий гриф-монах с белым ожерельем на шее. Молитвенную тишину высот, убаюканных шепотом отдыхающих тучек, нарушает только крик красавца сокола-сабсана, выслеживающего сойку, да залетного степного гостя пустельги. А на море перекликаются белоснежные чайки под ворчание неуклюжего баклана.

Дикая фисташка, кизил, рдеющий шиповник, боярышник, кудрявый орешник и колючее держидерево по ущельям плетут живые изгороди и чащи, еще лишь недавно потревоженные человеческой тропой. Громадные камни и белые извивы — следы бурных горных потоков — усиливают угрюмый колорит ущелий. Но мрачная красота Карадага смягчается радостно лнущим к нему морем, которое так ревниво оберегает «ворота Карадага» — два вырастающих из воды и сплетающихся верхушками столба, где свил гнездо серый гриф. Спокойный мыс Меганом и причудливая коктебельская коса Киик-атлама (прыжок козы) широким величественным амфитеатром окружают с двух сторон твердыни Карадага.

Море и ночи, порой бархатно-темные, порой молитвенно-лунные, напоенные опьяняющей музыкой цикад, пробуждают в душе самые сладкие песни и поднимают неизъяснимое в грустной радости волнение. Сюда долго не приходил с своей шумной кипучей жизнью человек! Только там, внизу, у моря, в Хирсиз-Лимане (Разбойничьей бухте) под охраной грозного утеса, окрещенного Иваном-Разбойником, скрывались и отсиживались от бурь трапезундские пираты и константинопольские контрабандисты. А по чуть светлевшим с берега тропкам в дни байрамов тянулись из отузской долины татары к зеленой шапке Святой горы, где под деревцом на просторе маячит могила мусульманского праведника. Здесь паломники жгли костры, встречая утреннюю зарю благочестивой молитвой у сладкого родника Гяур-чесме. В короткие дни теплой крымской зимы тут кочевали лениво стада овец под мурлыкающую песню старого татарина-чабана.

Тишина и покой царят на Карадаге.

* * *

Т. И. Вяземский был одним из первых, утвердивших на Карадаге человеческое жилье.

На берегу Карадага, на фоне его твердынь выросло белое здание, которое, как детская улыбка, оживило угрюмый приморский пейзаж. Точно одинокая птица, глядится в воду сложенный из белого известняка дом с своего невысокого холма-основания. Рядом еще здание, с красной крышей... А там, вверху, две мило белеющих дачки...

Белое здание на берегу - научная станция.

Ее создатель - Вяземский.

Камень за камнем, балка за балкой возводилась станция целых семь лет...

Высокий старик - с развевающимися, как у Менделеева, волосами, долгие летние дни проводил на стройке, с нервностью следя, как по его планам и чертежам у моря рождалась белая каменная чайка - будущий приют научной мысли.

Вокруг станции витают уже грандиозные планы. В двенадцати лабораториях будут заниматься, представители различных отраслей естествознания. Огромный «grasticum» будет отведен специально для студентов и начинающих ученых. Благодаря искусственно получаемой температуре, станция сможет работать круглый год, и изучение морских животных и растений будет производиться в их естественных условиях во всякое время года. При станции на одной из высоких вершин Карадага будет астрономическая обсерватория. Много внимания будет уделено метеорологическим наблюдениям. Наряду с музеем Тавриды, украшением станции явятся огромные аквариумы, из которых один сооружается перед станцией на открытом месте и будет под огромным стеклянным куполом воссоздавать с полной иллюзией жизнь Черного моря. При станции предполагаются курсы для учителей, специальные лекции для экскурсантов. И много-много еще планов связано с будущим станции.

— Это будет научный монастырь, — замечает Вяземский, с увлечением водя вас с этажа в этаж станции.

— А вот здесь, показывая здание с красной крышей, говорит он, — будут жить все работающие на станции.

Заботливо отделаны уютные комнаты, столовая, общая гостиная. Верх отведен экскурсантам для ночлега и обедов.

— Только сюда жен пускать не будем, — смеется Т. И. — У нас монастырь. Исключение сделаем для тех профессорских супругов, которые и сами занимаются научной работой.

Вяземский мечтает создать приют для больных ученых и студентов, нуждающихся в горном воздухе, солнце и море. Здесь они смогут жить круглый год, не отрываясь от своих научных занятий. Всем работающим на станции будет предоставляться возможность жить здесь, совершенно не заботясь о материальной стороне своего пребывания на Карадаге.

Станцией Т. И. уже заинтересовались таврическое земство, академия наук и различные ученые общества. Земство учитывает важное практическое значение станции для края и обещает поддержку.

Все свои сбережения, все заработки старый московский доктор отдал станции, ставшей смыслом его жизни. Он, как и в годы молодости, живет умеренной простой жизнью бедного русского студента. Постройка часто останавливалась: не было денег. Но вот удачный месяц практики, и весь заработок идет на лес и камень. Так из года в год, целых семь лет...

Поначалу принимал участие в постройке один московский профессор,² который теперь, будучи разбит параличом, попросил свою долю расходов обратно. И Вяземский одел новый хомут, обязавшись выплатить профессору около 20 тыс. руб.

Постройка как будто кончена, но станция не живет. Каменная чайка (чайка - теперь эмблема Карадага) еще мертва...

И морщины мучительных забот и беспокойных дум бороздят высокий умный лоб Т.И., который томится одной тоской:

— Пожить бы еще три года, чтобы увидеть, как станция заживет...»

И еще глубже взрезывают морщины лоб и печальнее смотрят глаза старого

доктора, когда он отправляется в свою сокровищницу, которая чудным нетленным алмазом живет на далеком тихом Карадаге.

* * *

Мы в библиотеке Терентия Ивановича.

Точно сказка, как и все здесь вокруг на Карадаге. Около пятидесяти тысяч томов не все разместились на своих тесных полках. Еще десятки тысяч их лежат заколоченными по темным сараям дачи, наверху Карадага. Эта библиотека - красивая повесть целой жизни, ее светлый трогательный эпилог.

Книга властно царит над сердцем этой жизни. И все, что получала одна рука Т. И., другой его рукой отдавалось букинистам всего мира. Из-за иной книжной редкости Вяземский рыскал по всей Европе. Были моменты, когда он за некоторые издания платил по 20-30 тыс. франков. Теперь это - богатство, которое

² Откликнулся на призыв Т.И. Вяземского и принял участие в деле создания научной станции лишь один Мороховец Лев Захарович (1848-1918) - крупный русский физиолог и историк медицины, профессор физиологии московского Университета.

трудно оценить. Одни художественные переплеты, чудно тисненая кожа, пережившая века, виньетки, заставки – составляют богатейшую коллекцию старинного переплетного искусства.

Корифеи науки находили тут книги по своей специальности, о которых до этого не знали. Писатель С. Я. Елпатьевский рассказывает, что, изучая Египет, он нашел на Карадаге книги, которых не мог разыскать в знаменитых книгохранилищах Европы.

Сам Вяземский уже не помнит всех своих сокровищ. Как скупой рыцарь в золоте, копается он в своей библиотеке, увешанной старинными картами, атласами, планами, чертежами, и приводит в изумление заслуженных библиофилов своими удивительными униками. Т. И. обладатель действительных уникалов. Некоторые издания насчитываются 2-3 экземплярами во всем мире. Удивляешься, как хватило одной жизни, энергии и настойчивости одного человека, чтобы собрать этот книжный сезам, спрятанный меж утесов Карадага.

Он уже предусмотрительно составил нотариальный акт, завещая библиотеку родному московскому университету. Но это так, «на случай смерти». Мечта же его, чтобы библиотека была мозгом Станции, ее душой, воздухом, нераздельно навеки связанной с ней здесь на Карадаге. Как это устроится, он еще не знает.

Идеал – понятно, самостоятельность. Но пока... Станция еще мертва, а книги ютятся в случайных стенах, гниют от сырости, гибнут от пыли... Все средства у Вяземского иссякли. Нет денег, чтобы вдохнуть жизнь в белое здание у моря и выстроить дворец для книжных сокровищ. Сердце сжимается при мысли, что библиотека может стать жертвой огня. Это не только крах целой жизни, ибо старый доктор не переживет этого удара, но это будет несчастьем для культуры и просвещения страны.

И понимаешь, почему такая острая печаль покрывает взгляд Т. И., когда он тоскливо мечтает:

– Всего еще нужно тысяч тридцать. Построим библиотеку. Оборудуем станцию. И тогда приходи, ученая Русь! Добро пожаловать!..

Хочется, чтобы светлый эпилог жизни этого седого питомца московского университета нашел сочувственное признание у той Москвы, которая превратила научную жизнь у себя в чудесную оранжерею частной заботливости и щедрого попечения.

Вспоминается мне невольно здесь чуткий экспансивный Николай Александрович Шахов. Частная инициатива создала новый очаг науки. И не хочет Т. И. отдавать свое детище под мертвящую опеку чиновников от науки. Хочет он, чтобы русское просвещение и русская молодежь проложили бы вольную, широкую тропу на Карадаг.

И это должно быть особенно близко душе Шахова, способного так ценить частный почин без стеснительных официальных пут, частный смелый порыв к культуре и просвещению. Если он узнает о карадагской сказке, сотворенной волей старого доктора, она родит, я верю, горячий отклик, ибо на дело русской культуры должен быть еще «порох в пороховницах». Пусть протянется эта щедрая московская рука, чтобы белая чайка на Карадаге ожила во славу новой молодой России, во славу свободного русского просвещения.

Тогда разглядятся морщины на высоком умном лбу старого доктора, и, глядя на белую птицу в час вечерний, он умиротворенно и счастливо скажет:

– Ныне отпускаеши...

Султанов С.